

УДК 165

А. Ю. Цофнас,

д. философ. н., профессор,

Одесский национальный политехнический университет,
кафедра философии и методологии науки

СТРУКТУРНАЯ И НАТУРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

Термин “онтология” неоднозначен. Существуют различные виды онтологии. Структурная онтология толерантна к другим видам онтологии. Этот принцип позволяет выйти из дискуссии постструктурализма с традиционным структурализмом.

Ключевые слова: онтология, метафизика, структура, структурализм, система.

Анализ литературы показывает, что еще не так давно термин “онтология” в отечественной философской литературе, был, фактически, термином *non grata*. Считалось, что философия марксизма не нуждается ни в каких особых онтологии, гносеологии, аксиологии и даже логике, поскольку она, эта философия, есть единое и нераздельное учение о бытии в его диалектическом изменении, которое охватывает сразу всю эту проблематику. В 60-70-х годах XX в. едва ли ни самой популярной тематикой исследований было то, что называлось “принципом совпадения диалектики, логики и теории познания”. Однако при этом чаще всего крен все же делался именно в онтологию, в учении о бытии как таковом, естественно (объективно) развернутом независимо от субъекта. Это не удивительно: ведь и предмет философии, по Энгельсу, определялся сциентистски — как *наука* о наиболее общих законах природы, общества и мышления, а наука ищет *объективную* истину. И основным вопросом философии определялась онтологическая проблема — вопрос о соотношения Природы и Духа.

Чем же в таком случае объяснялась эта неприязнь к термину? Очевидно, тем, что изначально, с XVIII в., когда с подачи Х. Вольфа и появился сам термин, онтология рассматривалась как часть метафизики. К последней, в свою очередь, марксизм относился неприязненно. Считалось, что метафизика во всех ее вариантах нацелена на построение завершенных, закрытых, окончательно полных теоретических систем — именно в этом узком смысле понималось и само слово “система”, — а это было уже несовместимо с диалектикой. Диалектика же изначально декларировалась как учение о развитии, которое “на всем видит печать неизбежного падения”. (За дальнейшее окостенение диалектики Энгельс не обязательно должен нести ответственность).

В итоге ставился “диагноз” онтологии вообще: “причины обособленной онтологии таковы: 1) неразвитость теоретического естествознания наряду со скудостью социологических знаний, питавшая спекулятивное конструирование в духе “философии природы”; 2) слабость гносеологических и ло-

гических исследований, еще не освободившихся от пут схоластического толкования “метафизической природы души””. И далее: “...проблема онтологии не имела и не имеет самостоятельного значения...”, и “марксизм впервые последовательно проводит линию на снятие онтологии как обособленной части философии, т. е. как натурфилософской метафизики...” [1, С. 140-142].

Параллельно и в аналитической философии онтологическая проблематика выводилась за рамки исследования, поскольку понятие бытия не может иметь эмпирического обоснования. Согласно У. Куайну, к онтологии обычно относят суждения, содержащие слово “быть”, а такие предложения не фиксируют содержательного знания, их можно анализировать только с точки зрения логической формы. “То, что делает онтологические вопросы бессмысленными, если они рассматриваются абсолютно (а не относительно), — это ...их свойство быть логическим кругом. Вопрос в форме “Что есть F?” может получить ответ только обращением к следующему термину: “F есть G”. Ответ имеет только относительный смысл: смысл, относительный к некритическому принятию G” [2, С. 57-58].

Однако, с одной стороны, с утратой марксизмом командных идеологических высот, а с другой, с более или менее всеобщим признанием того факта, что в основе знания, в конце концов, лежат принимаемые на веру философские принципы и картины мира, все “вернулось на круги своя”. Онтологические представления вновь попали в центр внимания. Никем уже не оспаривается, что только относительно системы онтологических предпосылок отдельные утверждения обретают смысл.

Однако осталось **проблемой**: носят ли эти предпосылки непременно характер *натурфилософской метафизики*? **Целью** данной статьи является показать не только необходимость онтологической постановки философских проблем, но и значение различения разных типов онтологии.

Учитывая онтологические решения XX в., можно, более или менее условно — здесь неизбежны “споры о словах”, — без претензии на построение полной и логически строгой классификации, выделить такие разновидности онтологии (так употребляется термин), как *натуральная, социальная, экзистенциальная, структурная*. Даже если не все авторы согласятся признать наличие всех этих онтологий, даже если эти онтологии пересекаются в исследованиях отдельных авторов, первые три способа задать картину бытия выглядят лишь относительно независимыми друг от друга. Скажем, строя социальную онтологию, могут настаивать на том, что история и социальная жизнь есть естественно-исторический процесс, а тогда социальная онтология, со всей ее спецификой, окажется все же частью натуральной. Однако что в этом смысле можно сказать о построении учения о бытии четвертым способом? В каком он находится отношении, хотя бы к той же натуральной онтологии?

Первоначально пифагорейцы с их пространственно-структурным представлением о числе и бытии в целом дали толчок исследованию структур мира “самих по себе” и развитию чистой математики. Затем Аристотель раздвинул границы структурных исследований за пределы лишь про-

странственных отношений и обратил внимание на то, что структуры языка и формы человеческих рассуждений живут “собственной жизнью” и решающим образом определяют характер мышления. Форма у него оказалась первичной относительно природы вещей (материала). С тех пор интерес к структурным исследованиям никогда не угасал и даже непрерывно возрастал на протяжении всей истории познания.

К XX столетию была отмечена общая тенденция человеческого познания к релятивизации: знание в целом развивается в направлении от интереса к материалу, от описания вещей и их свойств — в сторону интереса к формам и абстрактным структурам. Не случайно наиболее заметные “скачки” в истории интеллекта связаны с открытиями в знаниях о структурах — в математике и логике, в архитектонике языка, в методологии. Физика XX столетия не могла бы получить столь впечатляющие результаты без резко увеличения объема математики в физических исследованиях.

Последние сто лет наиболее интересные теоретические результаты получались в исследовании таких структур, которые не сводятся к количественным отношениям и теоретико-множественным представлениям. Показательны в этом отношении такие концепции междисциплинарного характера, как семиотика, кибернетика, общие теории систем. В работах [3] и [4] в качестве фундаментальных философских категорий, лежащих в основе какого угодно структурного описания, выделены две тройки понятий: 1) вещь, отношение и свойство и 2) определенное, неопределенное и произвольное. По-видимому, именно та, или иная интерпретация этих понятий в их функциях и соотношениях друг с другом составляет определенную структурную картину бытия — структурную онтологию, принимаемую исследователем зачастую бессознательно.

Понятия, которыми наделяются термины из обеих троек, только в том случае являются фундаментальными, если рассматриваются предельно широко, т. е. именно в роли философских категорий. В частности, когда под “вещью” понимают только то, что “можно пощупать”, то, что поддается измерению с помощью циркуля и линейки и т. п., тогда понятие вещи используют в структурно-некатегориальном смысле. Декартовские “тело” и “душа” употребляются в категориальном смысле, однако лишь в рамках натуральной онтологии, а не структурной. Структурная онтология предполагает, что категории вещи, свойства, отношения, как и категории определенного, неопределенного, произвольного, охватывают объекты любой природы. Никаким теоретико-множественным смыслом никакие из данных категорий не нагружены: неопределенный (в натуральном языке — “какой-нибудь”, “некоторый”) не означает “существует такой объект в заданном множестве, который...”, также, как и произвольный (“какой угодно”, “любой”) — не синоним выражения “всякая вещь такого-то множества”.

Сколько структурных онтологий теоретически возможно? На первый взгляд кажется, что вопрос некорректен. Разве поддаются счету типы, скажем, натуральной или социальных онтологий? Такой вопрос, кажется, никогда даже не ставился. Однако ситуация со структурной онтологией

выглядит не столь безнадежной. Дело в том, что проблема степени реальности и, соответственно, первичности вещей, отношений или свойств была актуальной всегда, а особенно часто всплывала в спорах номиналистов и реалистов. Но если ставится вопрос о первичности, то легко определяется и количество возможных решений (См.: [3, С. 74-89]). Когда принимается первичная реальность вещей, то это *реизм*, свойств — *атрибутивизм*, отношений — *реляционизм*. Соответственно, возможны (и действительно реализовались в истории мысли) еще три бинарных структуралистских концепции. Наконец, сам автор книги [3] придерживается седьмой (тернарной) точки зрения: он определяет, и различает данные категории только функционально, лишь относительно друг друга. Функциональный характер этих различий воспринимается как совершенно естественный для натуральных языков.

Поскольку в любом варианте структурной онтологии неизбежно используется не одна, а две тройки категорий, указанные семь типов концепций должны пересекаться с решениями по поводу соотношения определенного, неопределенного и произвольного, их следует “перемножить” на эти решения. В работе [5, С. 134-146] рассмотрены различные трактовки принципов определенности, неопределенности и произвольности. В рамках использованных формальных средств (языка тернарного описания) их удалось выявить около десятка. Таким образом, поле возможных структурных онтологий становится, по крайней мере, обозримым.

В каком же отношении находятся все эти варианты к давно разрабатываемой и, по-видимому, наиболее “мощной” натуральной онтологии?

Независимо от того, какая из концепций структурной онтологии принимается, вопрос о “первосущностях”, атрибутах или об объективной либо субъективной реальности соответствующей картины мира до некоторых пор — по крайней мере, до того, как придет время предпринимать практические действия, можно вообще оставлять без ответа. Природа вещей — не предмет структурных исследований.

Данный тезис не нов. Так, сравнивая подходы Рассела и Куайна и не отдавая предпочтения ни одному из них, Л. Тондл справедливо отмечает, что, хотя ни логика, ни любая научная теория никогда не свободны от некоторой натуральной онтологии, “... семантическое решение... нельзя отождествлять с тем, что можно было бы назвать онтологическим решением, то есть с решением об объективном, независимом (от носителя языка или наблюдателя) существовании определенной сущности” [6, С. 354].

Точно также и математику, пока он остается в сфере своей науки, совершенно безразлично, что именно он отображает своими формулами — движущиеся по наклонной плоскости тележки, соотношения сторон прямоугольного треугольника, координаты и импульсы элементарных частиц или — наши представления о соответствующих физических объектах. Разве, описывая движение “материальной точки”, математик интересуется тем, состоит ли эта вещь из атомов, применим ли к ней известный декартовский критерий протяженности и т. п.? Экзотическая проблема природы математических объектов — это натурально-онтологический вопрос, решение ко-

тогого влияет не на собственно математические исследования, а на решение вопросов прагматической значимости математики. Разумеется, каждый математик все же как-то решает для себя и эти проблемы — в духе платонизма, номинализма или одного из их вариантов. Но это интимное решение не мешает математикам оставаться индифферентными (или толерантными) к вере других математиков в другие решения и хорошо понимать друг друга, когда речь идет о собственно математических вопросах.

То же, к примеру, и в системных исследованиях. Принимая на себя онтологические обязательства по определенному пониманию структуры бытия — в соответствии с одной из концепций структурной онтологии, — системолог в рамках своей теоретической концепции может скрыть свои онтологические решения, касающиеся природы мира.

В своей работе [3] А. И. Уёмов показал что его идея функционального, а не абсолютного, различения категорий вещи, свойства и отношения (один из вариантов структурной онтологии) никак не исключает эмпиризма (позже эта позиция была обозначена им “эмпирическим реализмом”), как не противоречит она и материалистическому решению основного вопроса философии. Но точно так же эта идея не исключает рационализма, как не противоречит она идеалистическому и, вообще, любому решению, по Ф. Энгельсу, “великого вопроса всей и, в особенности, новейшей философии”. Можно принимать или, наоборот, не принимать принцип структурирования мира в том смысле, как он представлен в параметрической общей теории систем или в какой-то иной системологической теории, ни на йоту не изменяя при этом ни предпочитаемому кем-то идеализму, ни материализму, ни дуализму — причем еще и при любом решении вопроса о принципиальной познаваемости или непознаваемости мира, природы знаковых систем или ментальных структур.

Сказанное, между прочим, не означает, что различные решения вопроса о природе универсума так или иначе не характеризуются специфической структурой. Как раз, по-видимому, наоборот. Кажется, никакая натуральная онтология не обходится без некоторого структурального решения. Сказав “материя первична”, непременно приходится объяснять смысл отношения первичности (временной, функциональный, через понятие определенности-неопределенности и т. п.) или прибегать к понятиям вещи и ее свойства (атрибута). Если действительно независимость натуральной и структурной онтологий друг от друга носит односторонний характер, то данное обстоятельство могло бы как раз объяснить отмеченный выше факт генеральной тенденции движения познания от “материала” к “форме”. Во всяком случае, несомненным является то, что, исследуя структуры, мы можем не связывать себя каким-либо решением по поводу природы объекта исследования.

Между тем, как это ни странно, проблема “природы структур” продолжает привлекать внимание исследователей. То ли потому, что сказывается изначальная установка философии на объяснение природы Космоса, то ли от того, что осознается: корни всех философских проблем обнаруживаются в языке, а он сам не может быть понят вне структурного анализа. Следы

постановки такой натур-структуралистской проблемы в той или иной ее форме можно усмотреть в текстах, начиная еще с Парменида, с его “Можно лишь то говорить и мыслить, что есть” [6, С. 296] и до Рассела, Витгенштейна, Хайдеггера, Куайна, приверженцев гипотезы лингвистической относительности и др.

В самом деле, структуры нашего языка таковы, каковы они есть, потому, что такова структура мира, либо, напротив, мы видим мир таким, каким он нам представляется, потому, что таковы структуры языка?

Чаще всего, особенно за пределами философии, предпочитают первое решение проблемы, но следует отдавать себе отчет, что веру во второе решение также можно отстаивать теоретически непротиворечивым образом. Хотя бы потому, что даже если на самом деле “язык выражает свойства объективной действительности с помощью своей структуры (в том числе и логической структуры)” [8, С. 108], то он все же “ничего не говорит про соотношение своей структуры со структурой мира”, а “языковым структурам соответствуют определенные *гипотезы* о строении мира” [8, С. 114]. Чтобы избежать пресловутого вопроса о первичности, пришлось бы исходить из осторожного методологического тезиса, против которого, вряд ли кто-то станет возражать: мы познаем мир таким образом (и только таким), что принимаемая нами структурная онтология всегда *коррелирует* со структурами какого-либо естественного языка.

В свое время “детской болезни” натурализации не избежали и системные исследования: оживленные дискуссии вызывал вопрос об объективности систем. В самом деле, конечно, только от исследователя зависит, рассматривать ли, к примеру, человеческое общество в качестве системы, допустим, с экономической, политической, культурной, биологической, информационной, психологической, космологической или геополитической точек зрения. Выбор системообразующего концепта всегда остается выражением свободной воли субъекта. Потому и кажется, будто системное представление всегда субъективно. С другой стороны, в качестве системы в данном случае представляется ведь именно то, что существует независимо от исследователя. Но любопытно, что непосредственному системному исследованию каждой из этих систем, и даже поиску соответствующих закономерностей, то или иное решение старого вопроса об объективности-субъективности нисколько не мешает.

Вопрос возникнет позже — на уровне определения практической значимости предлагаемых закономерностей. Но ведь точно с таким же вопросом сталкивается *любая* теория, естественнонаучная или гуманитарная, при осмыслении своих эмпирических данных. Структурные исследования вообще, и теория систем, в частности, не составляют здесь никакого исключения. Относительность системных представлений мешает решению вопроса об объективной реальности ничуть не в большей степени, чем физику, имеющему дело с относительностью скорости, массы, одновременности событий и т. п.

Особенностью структурных исследований является не то, что они лучше других видов исследования преодолевают трудности объективации, вери-

фикации и фальсификации своих гипотетических утверждений, а то, что они, в отличие от научных дисциплин, ориентированных на натуральный анализ, имеют возможность исследовать структуры вещей *любой* природы, полагая при этом, что разноприродные предметы, скажем, теория и ее объект, язык и область его значений и др., вовсе не обязательно характеризуются разными структурами. Как раз наоборот, какие-то их структуры наверняка окажутся общими. В том и состоит преимущество математики, логики, теорий систем, что они не разводит объекты различной природы в разные стороны, а, напротив, стремятся поместить их в одно исследовательское поле.

Приходится мириться с тем, что физический объект или конкретное событие при системном, например, исследовании должны либо а) *a priori* рассматриваться как некие “вместилища”, по-видимому, бесконечного множества различных (т. е. имеющих разные концепты) систем, которые нами только “достаются” по мере надобности (наподобие того, как мы достаем нужную книгу с полки из числа тех, которые по-разному освещают один и тот же предмет), либо б) предполагаться такими вещами, лишь осмысленные которых производится путем различных системных представлений.

Оба натурально-онтологических решения имеют свои очевидные минусы. Решая вопрос в духе “вместилища” мы попадаем в ситуацию, аналогичную каббалистическим попыткам извлечь абсолютную мудрость мира из 22-х букв еврейского алфавита, которыми написана Тора, с учетом того, что каждой букве, в зависимости от ее позиции в слове, соответствует определенная цифра. Но кто сказал, что системный подход ставит целью исчерпать все возможности познания и отыскать, наконец, одно единственное, последнее понимание всего? Решая же вопрос вторым способом, в духе субъективизма, мы закрываем себе дорогу к работе с объектом и оставляем системные исследования не более чем интеллектуальной игрой в понимание, “игрой в бисер”. Правда, и в последнем случае никто не доказал, что игра в различные понимания не является одной из конечных целей человеческого бытия.

Так что однозначного выхода, скорее всего, просто нет: проблему соотношения структурной онтологии с “натуральной” ее сестрой лучше оставлять без окончательного решения (да и будет ли она, вообще, когда-либо теоретически решена?). Лучше всего попытаться ее вовсе обойти — принятием особого *принципа толерантности структурных исследований* к натуральной (и, по-видимому, любой иной) онтологии. Решение, а точнее говоря, *нерешение*, вопроса в соответствии с данным принципом, вероятно, оказывается оптимальным способом преодолеть теоретическое состояние буриданова осла, предполагая принципы метафизики не более, чем областью философской веры. В конце концов, трудно возражать Л. Шестову, который писал: “Метафизика есть взвешивание вероятностей. *Ergo* — дальше вероятных суждений она идти не может. Почему же метафизики претендуют на всеобщие и необходимые, прочные и вечные суждения? Не по чину берут. В области метафизики прочных убеждений не может и не должно быть” [9, С. 105].

По части споров о соотношения структурных исследований с натуральной онтологией наиболее показательна, пожалуй, история дискуссий постструктурализма с его предтечей — структурализмом. Классический “натуральный структурализм” (работы Ф. Де Соссюра, К. Леви-Строса) свои усилия направлял на поиск таких глубинных структур — Пра-Систем языка, родственных отношений, пространственной организации жилищ и т. д., — которые могли бы служить “истинным” основанием объяснения всех надстроечных (“поверхностных”) структур. При этом более или менее отчетливо манифестировалось некое философское онтологическое решение (в духе материализма), заключающееся в том, что научное исследование не сводится к “простым упражнениям в комбинаторной логике” и что “мыслительные операции воспроизводят реальные отношения, а законы мышления изоморфны законам природы” [10, С. 11]. Если бы такая потаённая Пра-Система всех семиотических манифестаций была действительно найдена, то были бы открыты и “подлинные” основания Мышления, Духа, Культуры в целом.

Однако, как показано в ряде работ, например, в той же [10], данный тезис невозможно обосновать. Любая онтология раскрывается человеку через язык и в языке же выражается. За пределы языка выйти невозможно. Но это означает, что язык не может ничего сказать человеку о собственной Пра-Структуре, о структурных основаниях своей структуры: “Всякое понимание бытия приходит через язык, и, стало быть, никакая наука не в состоянии объяснить, как функционирует язык, ибо только через язык мы можем постичь, как функционирует мир” [10, С. 18].

Против этого нечего возразить. Но является ли это доказательством отсутствия Пра-Структур, как полагают постструктуралисты? Автор [10] дает одному из заключительных разделов своей книги “Действовать так, как если бы Структуры не было” (звучит нормативно, как приказ!), который заканчивается пессимистической максимой постструктурализма: “В итоге я склоняюсь к тому, чтобы переименовать Паскаля, преобразовав его так...: пребывая в неуверенности относительно существования Духа, определяемого во всех его комбинаторных возможностях, имеет смысл строить семиологическое исследование так, словно “возможно открыть, что Бога нет”” [10, С. 383].

По-видимому, автор все же играет на том же поле, что и критикуемые им оппоненты. Взамен разного рода преформизма он предлагает ничуть не менее метафизическую идею *изначальной бесструктурности бытия*, тем самым лишь меняя одну веру на другую: “структура сама по себе не существует, она продукт моих целенаправленных действий” [10, С. 65].

Вывод об отсутствии Пра-Структур получают двумя путями. Либо этот вывод индуктивный: мол, до сих пор за всеми “фундаментальными” структурами всегда обнаруживались еще более фундаментальные, и так, мол, будет всегда. “Если Код Кодов это последний предел, неизменно отступающий по мере того, как исследование обнаруживает и выявляет его конкретные сообщения, отдельные воплощения, которыми он вовсе не исчерпывается, Структура, очевидно, предстает как Отсутствие” [10, С. 327].

Но, как всякий вывод по неполной индукции, он должен оставлять место сомнению. Либо данный вывод является следствием принятия на веру метафизического принципа “Язык — дом бытия” — вопреки принципу “Бытие — дом языка”. Но нельзя “брать не по чину” и полагать принятое на веру твердо установленным знанием.

Вместо очевидного **вывода** из сказанного, можно отметить, что гносеологическим истоком метафизической проблемы структурализма, как представляется, явился принимаемой без обсуждения старый тезис эссенциализма, настолько, казалось бы, очевидный, что и обсуждать здесь нечего: мол, генеральным путем познания является углубление в сущность. Леви-Строс, как и античные еще философы, не удержался от поисков Первосущности. Вероятно, без этой веры он не стал бы тем, кем он стал. А У. Эко, принимая те же правила игры, отнесся к проблеме почти по-ленински, по достопамятной формуле: “Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д., *без конца*” [11, С. 227]. Но если даже считать этот “вертикальный” путь генеральным, то является ли он единственным? Разве не существует и другая возможность — не путь сравнения структур по глубине и фундаментальности, а путь признания идеи структурной *относительности*, которая совсем не обязательно совпадает с идеей *субъективности* всяких структур?

Отмечая возможность и необходимость онтологической постановки философских проблем, а также различия разных видов онтологии, нельзя все же не отметить, что указанная выше генеральная тенденция в движении познания от “материала” к “форме” (и, соответственно, от натуральной онтологии к структурной) нуждается в осмыслении, что и могло бы послужить **перспективой дальнейшего исследования** поставленных здесь вопросов.

Литература

1. Мотрошилова Н. Онтология // Философская энциклопедия. — Т. 4. — М.: Сов. энциклопедия, 1967. — С. 140-143.
2. Куайн В. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. — Изд. 2-е. — М.: Логос, 1996. — С. 40-59.
3. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. — М.: Изд. АН СССР, 1963. — 184 с.
4. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
5. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания. — Одесса: Астропринт, 1999. — 308 с.
6. Тондл Л. Проблемы семантики. — М.: Прогресс, 1975. — 484 с.
7. Фрагменты ранних греческих философов. — Ч. 1. — М.: Наука, 1989. — 576 с.
8. Попович М. В. Логіка і наукове пізнання. — К.: Наукова думка, 1971. — 155 с.
9. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. — Л.: Изд. ЛГУ, 1991. — 216 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — С-Пб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1998. — 432 с.
11. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. — Т. 29. — 752 с.

А. Ю. Цофнас,

д. філос. н., професор

Одеський національний політехнічний університет,
кафедра філософії і методології науки

СТРУКТУРНА І НАТУРАЛЬНА ОНТОЛОГІЯ

Резюме

Термін “онтологія” неоднозначний. Існують різноманітні види онтології. Структурна онтологія толерантна до інших видів онтології. Цей принцип дозволяє вийти з дискусії постструктуралізму з традиційним структуралізмом.

Ключеві слова: онтологія, метафізика, структура, структуралізм, система.

A. Y. Tsofnas,

professor.

Department of the Philosophy and Methodology of Science
Odessa National Polytechnic University

STRUCTURAL AND NATURAL ONTOLOGY

Summsry

The term “ontology” is ambiguous. There are various kinds of ontology. The structural ontology is tolerance to other kinds of ontology. This principle allows leaving from a controversy of poststructuralism with traditional structuralism.

Key words: ontology, metaphysic, structure, structuralism, system.